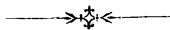

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ.
1910.

(съ приложеніемъ одного портрета и пятидесяти шести рисунковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1912.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

361. Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго кружка любителей археологіи. (Годъ четырнадцатый). (1 января 1909 г. — 1 января 1910 г.). Ташкентъ 1910. 136 стр. 8°.

Въ настоящемъ выпускѣ органа Туркестанскаго кружка любителей археологіи, кромѣ протоколовъ трехъ засѣданій, состоявшихся въ 1909 г., и перепечатанной изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» (декабрь 1908 г.) статья К. Ф. Тиандера, напечатаны слѣдующіе доклады, прочитанные на засѣданіяхъ кружка: 1) «О возстановленіи библейской рѣки Гихонъ» И. Т. Пославскаго; 2) «Два старинныхъ мѣдныхъ сосуда изъ Бухары» А. А. Семенова; 3) «Къ исторіи нашихъ сношеній съ Хивой» А. И. Добросмыслова; 4) «Основные вопросы среднеазиатской археологіи» А. Д. Калмыкова; 5) «Астролябія планисфера или персидско-арабская астролябія» М. П. Осипова.

Первый докладъ посвященъ брошюрѣ г. А. Чайковскаго «Важная нивелляровка Туркестана». Собранный въ брошюрѣ историческій матеріалъ вызвалъ со стороны докладчика вполне справедливый приговоръ: «Нельзя сказать, чтобы онъ имѣлъ большую цѣнность и давалъ намъ какіе-либо достовѣрные факты» (стр. 10); столь же справедливо, что «возстановленіе этой рѣки по проекту г-на Чайковскаго» (путемъ спуска озера Иссык-Куль въ рѣку Чу) «недопустимо и рискованно до безразсудности» (стр. 16). Труднѣе согласиться съ мнѣніемъ докладчика, что все же «чутье истины не обмануло г-на Чайковскаго въ его предположеніяхъ» и что дѣйствительно «когда-то по русламъ Яны-дарьи и Узбоя текла грандіозная рѣка, для которой Сырь и Аму были только притоками» (ibid.) Какъ извѣстно, всѣ предположенія, къ которымъ уже въ третій разъ возвращается г-нъ Чайковскій, основаны на совершенно фантастическомъ толкованіи Библии и древ-

пихъ авторовъ и не подтверждаются ни историческими¹⁾, ни физико-географическими²⁾ изслѣдованіями. Производство рекомендуемыхъ И. Т. Пославскимъ изысканій на Япы-дарьѣ и Узбоѣ крайне желательпо, не потому, что тамъ можно бы было пайти «слѣды тѣхъ Ассуровъ, что создали потомъ, послѣ переселенія, новую культуру на берегахъ Тигра и Евфрата», но потому, что въ изслѣдованіи нуждаются сохранившіеся тамъ памятники гораздо болѣе поздняго періода, напр. развалины Талайханъ-Ата на Узбоѣ (съ мусульманскими надгробными надписями).

А. А. Семеновъ знакомитъ насъ съ двумя предметами невѣстнаго происхожденія, прибрѣтенными имъ въ Ташкентѣ: мѣднымъ сосудомъ и вложенной въ него, но, по мнѣнію докладчика, не имѣющей къ нему отношенія мѣдной чашечкой. На обоихъ предметахъ находятся фигурныя изображенія, отчасти воспроизведенныя на приложенныхъ къ статьѣ снимкахъ. Арабская надпись, которая, по словамъ докладчика, находится вокругъ шейки, окаймляющей отверстіе сосуда, на снимкахъ не видна; докладчикъ предлагаетъ чтеніе *اسلم الظالم العالم* «самый непорочный тиранъ — всевѣдущій Богъ» (стр. 63), но такія слова, не говоря уже о грамматической неправильности получающейся такимъ образомъ фразы (слово *الظالم* должно бы быть поставлено во множественномъ числѣ), едва ли возможны въ устахъ мусульманина. Вопросъ о томъ, къ какому времени и къ какой мѣстности должны быть отнесены оба предмета, оставляется не рѣшеннымъ.

Докладъ А. И. Добросмыслова касается извѣстнаго эпизода³⁾ изъ исторіи сношеній съ Хивинскимъ ханствомъ — пребыванія въ Хивѣ переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова въ 1753—4 гг. съ русскимъ караваномъ, старшиной котораго былъ Даниилъ Рукавкинъ, составившій краткое описаніе ханства. Докладчикомъ обнародованы, безъ всякихъ объяснительныхъ примѣчаній, три документа: 1) донесеніе Гуляева и Чучалова въ канцелярію Оренбургскаго губернатора изъ Хивы отъ 9 марта 1754 г.; 2) отвѣтный указъ канцеляріи отъ 3 мая; 3) донесеніе Неплюева и Тевкелева въ коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ 5 мая. При чтеніи доклада, вѣроятно, было сказано, изъ какого архива извлечены документа; но этихъ свѣдѣній пѣтъ ни въ протоколѣ засѣданія (стр. 60), ни въ печатномъ докладѣ. Донесеніе Гуляева и Чучалова уже было одинъ разъ издано пол-

1) В. Бартольдъ, Свѣдѣнія объ Аральскомъ морѣ (Изв. Турк. Отд. И. Р. Г. О., т. IV), Ташкентъ 1902, стр. 3.

2) Ср. слова Коишина о широтѣ Узбоя и глубинѣ его русла, приведенныя въ книгѣ Л. С. Берга, Аральское море, СПб. 1908 (Изв. Турк. Отд. И. Р. Г. О., т. V), стр. 623.

3) Н. Веселовскій, Очеркъ историко-географическихъ свѣдѣній о Хивинскомъ ханствѣ, СПб. 1877, стр. 222—225.

ностью В. В. Вельяминовымъ-Зерновымъ¹⁾; этотъ текстъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отличается отъ текста, изданнаго теперь въ «Протоколахъ» кружка, причемъ кромѣ чисто-редакціонныхъ различій есть и болѣе существенныя²⁾; для выясненія вопроса, который изъ двухъ текстовъ болѣе надеженъ, было бы важно знать, представляетъ ли текстъ, изданный А. И. Добросмысловымъ, точную копію съ подлиннаго документа или копію съ копіи. Донесеніемъ Неплюева и Тевкелева пользовались В. В. Вельяминовъ-Зерновъ³⁾ и В. Н. Витебскій⁴⁾; былъ ли этотъ документъ когда нибудь изданъ полностью, мнѣ не извѣстно. Объ указѣ канцеляріи отъ 3 мая и объ отправленіи въ Хиву съ этимъ указомъ киргиза Кутлубая не было до сихъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, никакихъ свѣдѣній, такъ что этотъ документъ даетъ намъ, повидимому, совершенно новый матеріалъ.

А. Д. Калмыковъ разсматриваетъ вопросъ о типахъ мѣстныхъ построекъ, связанныхъ съ мусульманскимъ религіознымъ культомъ (мечетей, медресе и мавзолеевъ), и старается установить въ этомъ отношеніи точную терминологию. Къ сожалѣнію, печатный докладъ, кромѣ многочисленныхъ опечатокъ, заключаетъ въ себѣ такое количество lapsus calami, что ими иногда затрудняется пониманіе взглядовъ докладчика; въ спискѣ опечатокъ указаны нѣкоторые изъ этихъ недосмотровъ, но далеко не всѣ⁵⁾. Къ статьѣ приложены снимки нѣкоторыхъ зданій; указываются памятники, требующіе, по мнѣнію докладчика, скорѣйшаго изученія. Эти фактическія свѣдѣнія и указанія являются, по нашему мнѣнію, наиболѣе цѣнной частью доклада; особенно справедливо указаніе на необходимость топографическаго изученія бухарской цитадели (стр. 93 и 94). Изъ всѣхъ городовъ и крѣпостей Средней Азіи, повидимому, только о Бухарѣ можно сказать съ увѣренностью, что городъ и цитадель не измѣнили своего положенія съ первыхъ вѣковъ ислама; кромѣ того топографія средневѣковой Бухары, бла-

1) В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Историческія извѣстія о киргизъ-кайсакахъ и сношеніяхъ Россіи съ Среднею Азіею со времени кончины Абуль-Хайръ хана (1748—1765 г.), т. I, Уфа 1853 (перепечатано изъ Оренб. Губ. Вѣдомостей), прилож., стр. 32—48.

2) Ср. о нападеніи на Бухару авганскаго народа у В. З. (47): «котораго сказываютъ человекъ до двѣсти тысячъ»; у Добр. (80): «котораго сказываютъ есть болѣе ста тысячъ».

3) В. В. Вельяминовъ-Зерновъ, Историческія извѣстія и т. д., I, 163.

4) В. Н. Витебскій, И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г., вып. IV, Казань 1895, стр. 809.

5) Изъ оставшихся неисправленными можно отмѣнить слѣдующіе. На стр. 94 едва-ли основательно отождествляются персидскія слова کا (мѣсто) и کاخъ (павильонъ, дворецъ). На стр. 96 говорится о «Фихриствѣ» вмѣсто гораздо болѣе поздняго сочиненія کتاب ملازاده. На стр. 99 царствованіе «Насыр-хана Шамсъ-уль-мулька» отнесено къ 862—875 гг.; между тѣмъ, какъ ясно видно изъ словъ Нершахи (ed. Schefer, p. 27) рѣчь идетъ объ извѣстномъ ханѣ изъ династіи Караханидовъ, правившемъ съ 1068 по 1080 г. (ср. о немъ мой трудъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», ч. II, стр. 335—337).

годаря труду Нершахи, известна намъ лучше, чѣмъ топографія другихъ среднеазиатскихъ городовъ. Примѣръ Самарканда, гдѣ въ топографіи города, въ направленіи улицъ и т. п. не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій отъ эпохи Тимуридовъ до русскаго завоеванія, заставляетъ полагать, что и въ Бухарѣ многія улицы и теперь сохраняютъ то же направленіе, какъ при Нершахи. Выясненіе этого вопроса кѣмъ нибудь изъ мѣстныхъ изслѣдователей, знакомыхъ съ трудомъ Нершахи и съ разсказами арабскихъ географовъ (хотя бы по моему труду «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія»), не потребовало бы ни большихъ денежныхъ средствъ, ни большого количества времени.

Что касается взглядовъ автора, то едва ли можно признать, что они опираются на достаточное количество фактическаго матеріала. Совершенно справедливо, что «у насъ нѣтъ пока данныхъ о существованіи куполовъ къ сѣверу отъ Аму-дарьи въ эпоху до ислама» (стр. 107); но едва ли этотъ фактъ имѣетъ значеніе, пока вообще нѣтъ никакихъ данныхъ, ни литературныхъ, ни археологическихъ, о типахъ построекъ въ странѣ къ сѣверу отъ Аму-дарьи въ до-мусульманскій періодъ. Упоминаются «наусы», т. е. гробницы, но ни одинъ изъ нихъ не описывается; упоминаются «Наубехарскія ворота» въ западной стѣнѣ Самарканда (городяща Афрасиабъ) и въ восточной стѣнѣ Бухары¹⁾, изъ чего можно заключить, что около этихъ городовъ тоже были нѣкогда буддійскіе монастыри (вихары), но отличались ли бухарскія и самаркандскія вихары чѣмъ-нибудь отъ балхской, неизвѣстно. Единственными известными намъ остатками человѣческихъ жилищъ въ Туркестанѣ, которые съ *нѣкоторымъ*²⁾ основаніемъ можно отнести къ до-мусульманскому періоду, можно признать такъ называемые «жилые курганы»³⁾; докладчикъ склоненъ видѣть въ нихъ «замки прежнихъ дикановъ» (ibid.) — взглядъ, повидимому, справедливый, но еще раньше высказанный, на страницахъ тѣхъ же «Протоколовъ» (V, 178), Е. Т. Смирновымъ. Мнѣніе автора, что въ Туркестанѣ, въ противоположность мѣстности къ югу отъ Аму-дарьи, до Тамерлана не пользовались жженымъ кирпичемъ и что въ этомъ можно видѣть отраженіе греческаго вліянія въ противоположность сасанидскому (стр. 98), едва ли вполне соответствуетъ фактамъ. Несомнѣнно, что еще въ X в. въ Средней Азіи жженымъ кирпичемъ пользо-

1) Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, II, 87 и 105. Любопытно, что въ Бухарѣ «Наубехарскія» ворота по мѣстоположенію соответствовали нынѣшнимъ «Мазарскимъ», ведущимъ къ главной изъ современныхъ мусульманскихъ святынь въ окрестностяхъ города — могилѣ Беха-ад-дина Накшбевда.

2) Безусловно утверждать этого нельзя, такъ какъ «замки дикановъ», какъ известно, упоминаются въ Средней Азіи еще въ X в.

3) Ср. о нихъ ЗВО. II, 222 и слѣд.

вались очень мало, но ни литературныя, ни археологическія данныя не заставляют полагать, что въ этомъ отношеніи было различіе между городами къ югу и къ сѣверу отъ Аму-дарьи, хотя бы между Мервомъ¹⁾ и Самаркандомъ. Находимыя на Афрасиабѣ (т. е. въ городищѣ до-монгольскаго происхожденія) плиты жженого кирпича типа «санджари» вполне соответствуютъ мервскимъ; многочисленные куски зданія съ изразцами, найденные на Афрасиабѣ въ верхнемъ слоѣ, показываютъ, что если не соборная мечеть эпохи Саманидовъ, то соборная мечеть хорезмшаха Мухаммеда (XIII в.) во всякомъ случаѣ была изъ жженого кирпича. Въ бухарской цитадели, по свидѣтельству Нершахи, изъ жженого кирпича былъ не только фундаментъ стѣнъ, но и башни; этимъ матеріаломъ воспользовались въ 560 г. (1164—5) для возведенія изъ жженого кирпича фундамента городскихъ стѣнъ²⁾. Въ бухарской области еще въ XI в. было выстроено изъ жженого кирпича такое грандіозное зданіе, какъ каравансарай Рабат-и-Меликъ, развалины котораго существуютъ и теперь. Мнѣніе автора, что «царство жженого кирпича въ Туркестанѣ къ сѣверу отъ Аму-дарьи начинается съ Тамерлана», справедливо, повидимому, только по отношенію къ современному (послѣ-монгольскому) Самарканду. Объ этомъ городѣ мы, дѣйствительно, имѣемъ вполнѣ определенное свидѣтельство младшаго современника Тимура, Хафизы-Абру, по которому «прежде всѣ зданія Самарканда были изъ глины и дерева; въ дни этой державы (т. е. при Тимурѣ и его преемникахъ) построили много зданій изъ жженого кирпича»³⁾.

М. П. Осиповъ описываетъ «старинный астрономическій и геодезическій инструментъ», еще раньше предъявленный кружку И. Т. Пославскимъ, пріобрѣтшимъ его за 97 р. у одного бухарца (стр. 60). На приборѣ указано имя мастера (Мухаммедъ-Земанъ, сынъ Ходжи-Шереф-аддин-Хасана), время и мѣсто выполненія работы: 1088 г. (1677—8), городъ Балхъ, въ царствованіе Субхан-Кули-хана (правившаго въ то время въ Балхѣ, впоследствии въ Бухарѣ). Персидскіе стихи съ именемъ хана (размѣръ *خفیف*) не вполнѣ правильно переданы (стр. 114) мѣстными ориенталистами (И. Д. Ягелло и А. А. Семеновымъ):

ابن سطرلاب آفتاب منیر شد بعهد سر⁴ سپهرسیر
شاه سبحانقلی بهادر خان باد چون آفتاب عالم کبیر

1) Ср. сопоставленіе городищъ Гяуръ-Кал'а и Султанъ-Кал'а въ книгѣ В. А. Жуковскаго, Развалины Старога Мерва, стр. 114 и 119.

2) Nerbalkhy ed. Schefer p. 23.

3) *المظفریة*, Сборникъ статей учениковъ бар. Розена, СПб. 1897, стр. 15 и 17.

4) Переводчики, очевидно, читали *سه*, но такое чтеніе не соответствуетъ размѣру.

«Эта астроябля (для наблюденья за) свѣтлымъ солнцемъ изготовлена въ эпоху главы, престоль котораго подобенъ небу, шаха Субхан-Кули-Бахадур-хана — да будетъ онъ, подобно солнцу, охватывающимъ мѣръ»¹⁾).

Кромѣ того переводчиками не отмѣчено (стр. 131), что при перечисленія городовъ на лицевой сторонѣ коробочки (ф. 1) упоминается Мешхедъ, а не средневѣковой Тусъ, какъ на соответствующей планисферѣ (ф. 11). Нѣкоторые изъ надписей остались необъясненными вслѣдствіе «трудности пониманія старинныхъ астрономическихъ словъ и выраженій». Въ вопросахъ геодезіи и астрономіи докладчикъ, занимающій должность начальника Туркестанскаго военно-топографическаго отдѣла, конечно, вполне компетентенъ; предложенныя имъ объясненія могли бы быть проверены и дополнены только лицомъ, знакомымъ какъ съ этими науками, такъ и съ арабской астрономической литературой.

Въ протоколахъ засѣданій кружка, кромѣ напечатанныхъ докладовъ, упоминаются еще два другихъ: докладъ А. Д. Калмыкова объ оссуаріяхъ²⁾ (31 марта 1909 г.) и докладъ М. Д. Юдина о мавзолеѣ Кесенэкуль (14 октября 1909 г.); послѣдній докладъ былъ предназначенъ къ напечатанію въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ». Повидимому, имѣется въ виду мавзолей изъ жженога кирпича, о которомъ уже неоднократно упоминалось на засѣданіяхъ кружка и въ его печатномъ органѣ³⁾, подъ названіемъ «Кокъ-Кесеце» (въ Перовскомъ уѣздѣ, въ 5 в. къ сѣверу отъ станціи Тюмень-Арыкъ и въ 8 в. къ югу отъ развалинъ крѣпости Сунакъ-Курганъ). Кружокъ еще въ засѣданіи 23 января 1908 г. призналъ желательнымъ «имѣть снимки или списки надписей» на стѣнахъ мавзолея, но исполнено ли это пожеланіе, неизвѣстно. М. Д. Юдинымъ была сообщена легенда, записанная со словъ киргизъ; на основаніи сопоставленія этой легенды съ «историческими данными» имъ было высказано предположеніе, что зданіе «построено Тимуромъ по желанію одной русской плѣнницы, очень любимой имъ и похороненной подъ этимъ мавзолеемъ» (стр. 61). Едва ли въ пользу такого предположенія можно привести какія либо историческія извѣстія или хотя бы легенды, существовавшія до русскаго завоеванія.

Списокъ членовъ кружка, помѣщенный въ концѣ «Протоколовъ», къ

1) Игра словъ: عالم كبيرъ въ примѣненіи къ солнцу — «охватывающее мѣръ», въ примѣненіи къ хану — «завоеватель міра».

2) О томъ же предметѣ тѣмъ же изслѣдователемъ былъ сдѣланъ докладъ еще въ предшествующемъ засѣданіи 17 декабря 1908 г., напечатанный въ «Протоколахъ» кружка за XIII годъ (стр. 49—54).

3) Протоколы, V, 12; VI, 98 и слѣд. (съ приложеніемъ снимка), X, 40—42; XII, 82; XIII, 2, 11—13.

сожалѣнію, указываетъ на значительное уменьшеніе числа членовъ по сравненію съ предшествующимъ годомъ, не говоря уже о первыхъ годахъ его дѣятельности. Можно только выразить пожеланіе, чтобы лица, посвящающія часы своего досуга изученію памятниковъ прошлаго Туркестана, и при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ нашли въ себѣ достаточно силъ и энергіи, чтобы продолжать свою мало замѣтную и часто неблагоприятную, но крайне важную для науки работу и чтобы кружку удалось сохранить свое существованіе до наступленія лучшихъ временъ. Намѣчая планъ своихъ дальнѣйшихъ работъ, кружокъ руководился несомнѣнно правильнымъ убѣжденіемъ, «что важнѣе изученіе имѣющихся и намѣченныхъ остатковъ и древностей, чѣмъ разыскиваніе ихъ и раскопки» и что прежде всего необходимо, чтобы въ кружкѣ сосредоточивались свѣдѣнія «о всякихъ случайныхъ археологическихъ находкахъ» (стр. 112). Все это вполнѣ достижимо и при тѣхъ недостаточныхъ средствахъ, которыми въ настоящее время располагаетъ кружокъ, и вполнѣ достаточно для обезпеченія кружку благодарности всѣхъ лицъ и учреждений, интересующихся прошлымъ Туркестанскаго края.

В. Б.

362. Н. П. Остроумовъ. Исламовѣдѣніе. I. Аравія, колыбель ислама (جزيرة العرب). Изданіе Сырь-Дарьинскаго Областнаго Статистическаго Комитета. Ташкентъ 1910. 278 стр. 8°.

Настоящая книга открываетъ собою серію учебниковъ по различнымъ отдѣламъ исторіи ислама для слушателей учрежденныхъ въ Ташкентѣ курсовъ востоковѣдѣнія. Обязанность знакомить слушателей курсовъ съ настоящимъ и прошлымъ ислама принялъ на себя Н. П. Остроумовъ; такъ какъ преподаваніе затруднялось отсутствіемъ печатнаго руководства, преподаватель для пополненія этого пробѣла рѣшилъ переиздать работы объ исламѣ и его прошломъ, напечатанныя имъ раньше, преимущественно въ «Православномъ Собесѣдникѣ» (органѣ Казанской духовной академіи). Въ настоящей книгѣ воспроизведены, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, статьи, напечатанныя въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1896—98 гг.; кромѣ трехъ послѣднихъ, эти статьи уже были одинъ разъ объединены авторомъ въ отдѣльную книгу, подъ другимъ заглавіемъ¹⁾. Вслѣдъ за книгой объ Аравіи, авторъ общаетъ дать намъ жизнеописаніе Мухаммеда, исторію текста Корана и очеркъ развитія мусульманскаго законовѣдѣнія, съ краткимъ изложеніемъ ученія школы Абу-Ханифы.

При оцѣнкѣ труда, выполненнаго авторомъ, необходимо принять во

1) Н. П. Остроумовъ. Аравія и Коранъ. (Происхожденіе и характеръ ислама). Опытъ историческаго изслѣдованія, Казань 1899.